

Андрей Борисович Волынчук¹
i-abv@yandex.ru

ИНДО-ПАЦИФИКА: НА ПУТИ К РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

В статье представлено авторское видение причин активизации идей регионализма применительно к мировой политике. Нет сомнений, что в современных условиях модель мирового устройства всё больше принимает регионалистическую форму, т.е. архитектура мира представлена некоторым числом регионов, находящихся друг с другом в широком спектре взаимоотношений и сформированных отдельными странами, как правило, по географическому признаку. Более того, существует высокая вероятность, что одной из черт трансформации мирового порядка является «сплошная регионализация». Условно конечной точкой формирования нового мирового порядка будет разделение географического и политического пространства Земли на регионы, а не на страны и их альянсы. Возрождение регионализма в мировой политике и практике, по большому счёту, связано со стремительным экономическим и политическим восхождением Азии. Новые индустриальные страны — азиатские «тигры» и «драконы» — в своё время инициировали в научных и экспертных дискуссиях, а затем и в практике международных отношений появление термина «Азиатско-Тихоокеанский регион». Сегодня рост глобального значения стран Южной и Юго-Восточной Азии и их стремление к взаимовыгодному многостороннему взаимодействию по вопросам, представляющим взаимные стратегические интересы, выводит в лидеры концепцию Индо-Тихоокеанского региона. В своём исследовании, опираясь на положения теории нового регионализма, автор анализирует процессы регионообразования и регионализации в Индо-Пацифике. В рамках теоретических размышлений предпринимается попытка ответить на вопрос: возможно ли обнаружить во всей совокупности межгосударственных взаимодействий на берегах Индийского и Тихого океанов признаки формирования единого политико-географического пространства — региона?

Ключевые слова: Индо-Пацифика, Индо-Тихоокеанский регион, теории нового регионализма, регионализация, регионообразование, регион, США, Китай.

Andrey B. Volynchuk¹
i-abv@yandex.ru

INDO-PACIFIC: TOWARDS REGIONALIZATION

The article presents the author's vision of the reasons for the activation of the ideas of regionalism in relation to world politics. There is no doubt that in modern

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

conditions the model of the world order is increasingly taking on a regionalist form, i.e. the architecture of the world is represented by a certain number of regions that are in a wide range of relationships with each other and formed by individual countries, as a rule, on a geographical basis. Moreover, there is a high probability that one of the features of the transformation of the world order is “total regionalization”. Conventionally, the end point of the formation of the new world order will be the division of the geographic and political space of the earth into regions, and not into countries and their alliances. The revival of regionalism in world politics and practice, by and large, is associated with the rapid economic and political ascent of Asia. Newly industrialized countries — Asian “tigers” and “dragons” — at one time initiated the appearance in scientific and expert discussions, and then in the practice of international relations of the term Asia-Pacific region. Today, the growth of the global importance of the countries of South and Southeast Asia and their desire for mutually beneficial multilateral cooperation on issues of mutual strategic interest, brings the concept of the Indo-Pacific Region to the forefront. In his study, based on the provisions of the theory of new regionalism, the author analyzes the processes of regional formation and regionalization in the Indo-Pacific. Within the framework of theoretical reflections, an attempt is made to answer the question — is it possible to detect signs of the formation of a single political and geographical space — a region in the entire set of interstate interactions on the shores of the Indian and Pacific Oceans?

Keywords: Indo-Pacific, Indo-Pacific region, theories of new regionalism, regionalization, regional formation, region, USA, China.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Верное определение движущих сил формирования новых регионов даёт возможность исследователю не только своевременно выявлять основные источники этого процесса, но и наиболее полно и достоверно представлять себе систему регионообразующих факторов и связей, устанавливать их иерархию и соподчинённость, а также предвосхищать вызываемые ими эволюционные изменения политико-географического пространства.

Бессспорно, термин «регион» сегодня является одним из самых наиболее употребляемых понятий социально-гуманитарного блока научных дисциплин. Однако частота его использования, к сожалению, не тождественна ясности его определения и понимания. Высокая востребованность термина в географических, экономических, социологических, политических и других исследованиях практически «размывает» дефиницию, лишает её теоретико-методологической чёткости, что в свою очередь приводит к упрощению, а в некоторых случаях и к выхолащиванию содержания этого понятия. «Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым является понятие о числе,

в физике — понятие о материи и энергии, в биологии — учение о „первичном“ живом веществе — клетке, в географии — учение о районах» [1, с. 15]. Термин «регион», являясь своеобразной производной от традиционного понятия географического района, также имеет фундаментальное значение для исследований, специализирующихся на различных аспектах пространственного анализа, и по мере углубления научных знаний возникает необходимость раз за разом обращаться к определению его содержания.

В целом же перманентное взаимодействие природы и общества не реализуется согласно какому-либо одному ранее утверждённому сценарию. Каждый факт таких взаимодействий имеет свою пространственную специфику и отличается от места к месту. Результатом этого является значительное разнообразие форм и типов социо- и политико-территориальных структур, функционирующих в различных условиях природной среды и географического пространства. Неравномерное (по интенсивности, направлению и масштабу) проявление различных сил (природных и социальных) — основная причина возникновения и устойчивого сохранения территориальной дифференциации географического пространства. Суть этого процесса заключается в формировании на земной поверхности новых территориальных образований — регионов, охватывающих широкий спектр как взаимодействий человека и природы, так и отношений внутри самого общества, от естественно-географических до социально-экономических и геополитических проекций. Их совокупность обеспечивает устойчивую организацию региона, наделяя его характерными чертами как природных, так и социальных систем: объективностью, материальностью, системностью, целостностью, структурностью, динамичностью, пространственно-временным единством и проч.

Возникновение и развитие на политико-экономической карте мира регионов как сложных динамических социопространственных систем, обладающих целостностью, единством и взаимосвязанностью составляющих элементов, следует назвать регионообразованием. Это объективный процесс формирования регионов как результат проявления природных и социальных закономерностей, сфера действия объективных и субъективных факторов.

Познанные закономерности формирования и развития регионов, в том числе и межгосударственных, могут и должны планомерно изучаться и учитываться при разработке геополитических и геоэкономических стратегий, планировании и программировании результатов внешней политики государства. Такой вид общественной практики определяется нами как регионализация, которая представляет собой комплекс мер/усилий, направленных на адаптацию выявленных правил и закономерностей регионообразования к требованиям управленческой практики реформирования и/или целенаправленного конструирования международного региона с заданными параметрами и специализацией/характеристиками.

«Регионализация» обозначает (эмпирический) процесс, который приводит к шаблону сотрудничества, интеграции, взаимодополняемости и конвергенции в рамках конкретного межгосударственного географического пространства [11].

На наш взгляд, очень важно и в теоретическом, и в практическом отношении чётко определять различия между регионообразованием и регионализацией, не упуская из виду, что границы между ними могут быть весьма условны. Вместе с тем оба этих понятия не могут быть тождественны друг другу так же, как не могут быть тождественными объект и его модель. А регионализация прежде всего представляет собой моделирование одного из наиболее сложных общественных процессов, каким является пространственная организация общества. Выделение регионов, определение их границ и характеристик осуществляется только в соответствии с конкретным уровнем познания законов общественного развития и самого процесса регионообразования. Всегда есть непознанные или не до конца познанные общественные законы. Соответственно, и регионализация, реализованная на практике в виде системы регионов, будет лишь стремиться к полному отражению процесса регионообразования.

Таким образом, регионообразование — всегда процесс непрерывный и чрезвычайно многосложный, охватывающий бесконечное множество аспектов развития общества. В нём переплетаются и взаимодействуют все тенденции политического, экономического и социального развития. В его рамках не только могут возникать прочные, устойчивые элементы и связи, но также могут отмирать нефункциональные/неэффективные каналы и элементы взаимодействия.

В большинстве случаев, когда мы говорим о регионообразовании или же о регионализации, в действительности мы подразумеваем регионы в ходе их становления, что предполагает динамический процесс накопления (а в случае с регионализацией — даже селекции) территорией специфических качеств и характеристик, усиливающих, с одной стороны, целостность территориальных систем, а с другой — их обособленность.

Когда разные процессы формирования регионов в различных сферах и на различных уровнях активизируются и сходятся в одном географическом пространстве, так называемая теория нового регионализма предлагает описать это в понятиях уровня «региональности» (regionness), т.е. процесса, при котором географический район, накапливая/приобретая новые «региональные» качества, трансформируется из пассивного пространственного объекта в активный субъект, способный самостоятельно артикулировать транснациональные интересы возникающего региона. Региональность — понятие, определяющее качественный уровень региона на том или ином этапе его развития. Другими словами, региональность предполагает, что регион может быть регионом в «большей или меньшей степени», при этом уровень самой региональности может как увеличиться, так и уменьшаться [6, с. 89].

Такое изменение происходит вследствие приобретения территорией и проживающим на ней социумом новых характеристик, усиливающих связанность пространства. Процесс накопления территорией специфических качеств, свойственных региону, растянут во времени. При этом выявляется интересная закономерность. Создание региона происходит постепенно, от возникновения простых форм региональности, основанных на явлениях природно-географического ряда, к наиболее сложным пространственным конструкциям, включающим в себя различные аспекты социальной надстройки формирующегося региона (политической, военной, экономической, культурной и проч.). Такая устойчивая последовательность накопления изменений территории позволяет говорить о наличии стадийности процесса регионообразования. Условием перехода от одного этапа к другому является качественный рост уровня региональности.

Для решения задач нашего исследования мы обратились к динамической системе уровней региональности, которая была предложена Б. Хеттне и Ф. Содербаум в их интерпретации «теории нового регионализма» [11]. Она включает в себя: 1) региональное пространство, 2) региональный комплекс, 3) региональное общество, 4) региональное сообщество, 5) регион-государство. В некоторой степени пять стадий/уровней отражают определённую эволюционную логику формирования региона. Предложенная модель может рассматриваться в качестве сравнительного аналитического инструмента для понимания регионообразования, регионализации и формирования соответствующих субъектов в исторической и многомерной перспективе.

Региональное пространство — первичная географическая единица, обозначенная более или менее естественными физическими барьерами и отмеченная эколого-географическими признаками. Характеризуется отсутствием устойчивых международных связей и международного сообщества. Одной из базовых характеристик, определяющих вероятность возникновения регионообразующих процессов, является географическая целостность пространства, которая определяется единством структурных элементов территориальной подсистемы, противостоящей остальной части глобальной системы. Целостность достигается активизацией процессов регионообразования в различных сферах и на различных уровнях, в рамках одного географического пространства.

Таким образом, отправной точкой формирования региона выступают характеристики географического пространства. Именно они создают условия для нарастающей (со временем) конвергенции, охватывающей разнообразные «идеи и процессы» регионализации. Функционирующее общество не может существовать отдельно от территории, то есть регион прочно «коренится» в территориальном пространстве. Для инициации начальных/базовых процессов регионализации конкретная территория должна обязательно приобрести опыт расширяющихся взаимодействий

и более частых контактов между человеческими сообществами одного регионального пространства. На этом этапе актуализируется ещё один аспект региональности — единство — как качественная характеристика сближения транслокальных отношений, как условие для возникновения региональной социальной системы.

Региональный комплекс предполагает возникновение и расширение социальных (как позитивных, так и негативных) контактов и трансакций между локальными сообществами регионального пространства, рост взаимовлияния и взаимозависимости, становление региональной идентичности, в основе которой лежит усиление взаимодействий в различных общественно значимых сферах. Географический фактор по-прежнему имеет значение в регионообразовании, однако происходит постепенный рост влияния социальных (политических, экономических, социокультурных) инструментов.

Внутри данного этапа регионообразования особо следует выделить момент создания/возникновения национальных государств, что активизирует процесс консолидации национальных территорий и национальной идентичности. Это приводит к временному понижению уровня региональности на фоне актуализации проблем безопасности. Этот этап можно описать как «анархический», с территориальными государствами в главной роли как единственными релевантными акторами. Лишь баланс сил является гарантией безопасности для государств, входящих в эту систему. По этой причине в терминах безопасности регион представляет собой «конфликтное образование», или «региональный комплекс безопасности», в котором образующие его части в той степени, которая связана с их собственной безопасностью, зависят друг от друга, а также от общей стабильности региональной системы.

В терминах экономической науки региональность проявляется в возникновении различных моделей экономической взаимозависимости, которые склонны к эксплуатации вместо кооперации и взаимного усиления друг друга, что часто приводит к враждебному протекционизму, торговым войнам, поиску стратегий изоляции национальных экономик от негативных эффектов со стороны более широкой региональной/глобальной экономической системы. Акторы также могут ориентироваться на более широкую внешнюю систему, а не на регион. Обмены и экономические взаимодействия основываются на собственных интересах, а не на ожиданиях экономического сотрудничества, социальной коммуникации и взаимного доверия.

Региональное общество — уровень, где развивается и усиливается ключевой процесс регионализации, при котором происходит рост межнациональных взаимодействий как за счёт активизации традиционных/государственных субъектов, так и благодаря подключению к этому процессу негосударственных акторов, которые вводят в существующую систему

международных коммуникаций дополнительные измерения экономики, политики, культуры и т.п., что позволяет характеризовать данный этап как этап многомерной регионализации.

Регионализация этого уровня использует модели международных отношений, которые существуют на основе институтов межгосударственного сотрудничества, созданных при помощи как формальных, так и неформальных правил взаимодействия.

В первом случае регион осознаётся членами региональных организаций и приобретает статус де-юре. Однако «формальный регион», закреплённый в рамках отдельной или нескольких региональных организаций, не соответствует содержанию «реального региона», так как последний подразумевает более широкий/всеобъемлющий спектр взаимодействий, в том числе и негосударственных транснациональных акторов, способствующих формированию транснациональной региональной экономики и регионального гражданского общества.

Для дальнейшей регионализации разнообразие процессов на различных уровнях и в различных секторах должно во всё большей степени подкрепляться и развиваться в направлении взаимодополнения и взаимосодействия, а не конкуренции и расхождения [11].

Региональное сообщество. На этом уровне происходит сближение «формального региона» с «реальным регионом», в котором международное региональное гражданское общество усиливает своё значение в принятии важных решений в сфере безопасности, экономики, экологии, культуры и т.п. за счёт конвергенции ценностей, норм, самобытности и действий во всём регионе.

На этом этапе можно говорить о том, что региональная коллективная идентичность уже возникла, а отношения характеризуются взаимным доверием, обусловленным социальным сближением. Оно расширяет знания о том, что индивиды в государствах имеют представления не только о целях и намерениях друг друга, но также и об интерпретациях общества, политики, экономики и культуры в той мере, в какой они становятся всё более общими и распространяются через национальные границы. Социальное сближение выступает в качестве фундамента региональной коллективной идентичности.

Регион-государство представляет собой конечный итог регионализации, который с точки зрения сферы охвата и культурной гетерогенности можно сравнить с классической империей.

В политических терминах этап представляет собой добровольное целенаправленное (т.е. управляемое) движение группы ранее суверенных национальных сообществ в сторону образования нового субъекта мировой политики. Национальные интересы могут превалировать, но они необязательно будут связаны с национальными государствами. Кроме того, авторитет, власть и принятие решений являются не централизованными,

но многоуровневыми, децентрализованными между местным, микро-региональным, национальным и макрорегиональным/наднациональным уровнями.

Таким образом, обозначенные пять стадий усиления региональности позволяют ясно представить себе эволюционную модель развития региона и дают возможность определить регион как сложную социопространственную систему, которая характеризуется целостностью, внутренним единством, взаимосвязанностью составляющих её элементов и по совокупности определяющих её признаков противостоит своему окружению. При этом локализованная в пределах единого пространства совокупность общественных отношений обладает высоким потенциалом интеграции и управляемости и направляет развитие региона к соответствию критериям организации.

Вместе с тем каждый из пяти уровней соответствует определённому состоянию пространства, которое можно в силу имеющихся характеристик соотнести с регионом. На наш взгляд, только по достижении третьего уровня (региональное общество) появляется возможность говорить о преобразовании географического пространства в регион «по существу».

На данном этапе географическое пространство в той или иной степени соответствует родовым признакам и характеристикам региона, как то: усложнение (как количественное, так и качественное) транснациональных отношений, охватывающих различные аспекты регионального общества (экономика, экология, культура и проч.); стремление к реализации различных форм интеграции и сотрудничества, основанных на осознании общности региональных интересов; развитие неформальных и возникновение формальных международных институтов регионально-взаимодействия.

В практике современных международных отношений специалисты достаточно свободно оперируют термином «регион», определяя его в целом по совокупности первичных физико-географических характеристик и/или сложившихся исторических практик: Западная Европа, Северная Америка, Восточная Азия, Центральная Азия, Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион и др. Однако, несмотря на существование огромного числа регионов, их совокупность не создаёт целостной картины мира, которая в своей основе имела бы идеологию регионализма. Существующая модель миропорядка всё ещё строится на иных принципах и подходах. Тем не менее в современных условиях она всё больше принимает регионалистическую форму, т.е. структурные элементы современной мировой архитектуры постепенно замещаются некоторым числом регионов, находящихся в широком спектре взаимоотношений и сформированных отдельными странами, как правило, по географическому признаку.

Более того, существует высокая вероятность, что одной из черт трансформации мирового порядка является «сплошная регионализация», т.е.

условно конечной точкой формирования нового мирового порядка будет разделение географического и политического пространства Земли на регионы, а не на страны и их альянсы.

Таким образом, процессы, которые сейчас актуализируют трансформацию глобальной архитектуры, выводят на передний план региональный фактор, напрямую связывая изменение мирового политического/экономического устройства с «возвышением» одних и «падением» других регионов.

Наиболее популярным и часто используемым примером глобальных трансформаций является перенос центра мировой политики и экономики из Атлантического региона в Азиатско-Тихоокеанский (АТР). Почти тридцатилетняя практика использования аббревиатуры «АТР» не приблизила учёных к единому мнению о реальности существования данного региона. Вместе с тем в геополитических и геостратегических документах многих стран появился новый пространственно-политический конструкт, который по степени своей востребованности может очень быстро вытеснить Тихоокеанскую Азию со страниц научной и специальной литературы. Речь идёт об Индо-Пацифике, или об Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

В свете наших теоретических размышлений о регионообразовании и регионализации возникает важный вопрос: возможно ли обнаружить во всей совокупности межгосударственных взаимодействий на берегах Индийского и Тихого океанов черты/признаки формирования единого политико-географического пространства — региона?

ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЕ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Нельзя сказать, что термин «Индо-Пацифика» является чем-то совершенно новым для науки и практики международных отношений. Впервые очень близкий к локализации ИТР топоним появился ещё в середине XIX в. в монографии английского этнолога Дж. Логана «Этнология Индийского архипелага: всесторонние исследования континентальных отношений жителей Индо-Тихоокеанских островов» (1850) [4]. Однако в силу разных причин он не был воспринят научным сообществом и оказался забыт на 70 лет.

Вторая попытка ввести в научный оборот термин была предпринята немецким географом и геополитиком К. Хаусхофером, публикации которого в середине 20—30-х гг. XX в. однозначно выделяли Индо-Пацифику в списке иных политико-географических пространств [9]. Следует отметить, что К. Хаусхофер не только более чем на полвека предвосхитил важность инструментов так называемой мягкой силы во внешней политике,

но и определил постепенный рост значимости Индо-Тихоокеанского региона в мировой системе международных отношений [10].

Периодическое упоминание Индо-Пацифики обнаруживается на протяжении всего XX в. в научных работах различной направленности, от биологии и зоологии до этнографии и экономики. Однако наиболее устойчивый интерес к этому региону возник в начале XXI в. и был связан с актуализацией стратегического и геополитического дискурса. На сегодняшний день концепт Индо-Пацифики прочно укоренился в программных документах и стратегических инициативах большинства ведущих стран мира, даже тех, которые к этому региону имеют весьма опосредованное отношение.

Следует согласиться с большинством современных исследователей, что активизация формирования Индо-Пацифики в качестве политико-географического региона началась в 1990-х гг., когда после окончания холодной войны и понижения геополитической напряжённости в бассейне Индийского океана возник вакуум, который постепенно стал заполняться деятельностью государств, географически принадлежащих этому региону [3]. Крушение биполярной модели мирового порядка привело к появлению условий и предпосылок для возникновения/оформления новых политико-пространственных данностей/структур, которые в недалёкой перспективе должны были стать опорными элементами нового геополитического каркаса, вписанного/помещённого в глобальное политико-географическое пространство мира.

Со значительной долей условности можно утверждать, что саму трансформацию географического пространства в исторической ретроспективе допускается зафиксировать при помощи появлявшихся научных публикаций, описывающих те или иные состояния территориальных комплексов. Их предполагается рассматривать в качестве «материальных» фактов, отражающих некоторые пиковые значения изменений пространственных систем. К сожалению, практически невозможно определить точные временные границы перехода от одного этапа регионообразования к другому, однако сохраняется возможность установить (хотя и приблизительно) соответствие данной территории тому или иному уровню региональной организации в определённый момент.

Так, оценивая содержание монографии Дж. Логана, посвящённой анализу этнокультурных особенностей локализованного в пределах центральной части индо-тихоокеанского пространства населения, можно заметить, что в то время исследуемое географическое пространство представляло собой своеобразную предрегиональную зону, в границах которой преобладали природно-географические факторы регионообразования. Такое состояние пространства соответствует начальному уровню региональности — региональному пространству.

В период между Первой и Второй мировыми войнами Индо-Пацифика начинает переход в иное состояние, характеризующееся более высоким уровнем региональности. Начинает оформляться региональный комплекс, для которого характерна активизация политической и хозяйственной субъектности различных сегментов индо-тихоокеанского пространства, начиная с усиления колониальной мозаичности региона в начале периода и заканчивая возникновением национально-освободительных движений и созданием национальных государств в конце. Прохождение Индо-Пацификой данной ступени регионообразования именно в этот исторический период косвенно подтверждают работы К. Хаусхофера, вышедшие в свет накануне грандиозных военно-политических (и геополитических) событий, которые имели не только региональное, но глобальное значение.

На вторую половину XX в. приходится постепенное оформление регионального комплекса Индо-Пацифики, которое происходило, с одной стороны, в условиях военно-политической конфронтации и напряжённости, с другой — при усилении трансграничной и транснациональной связанности регионального пространства.

Окончание этого этапа регионализации, как было отмечено выше, вызвано прекращением холодной войны и последующей трансформацией глобальной системы международных отношений, что создало устойчивые предпосылки для перехода Индо-Пацифики на новый уровень региональности, на котором происходит формирование элементов регионального общества.

На данном этапе наблюдается повышение субъектности региона. Это происходит за счёт активизации целенаправленной деятельности региональных акторов (государственных/негосударственных), которые, решая частные специализированные задачи взаимодействия, вместе с тем качественно видоизменяют многомерное региональное пространство, структурируя его по форме и содержанию. Целенаправленность усилий участников региональных взаимодействий невозможна без осознания единства региональной судьбы, что подразумевает:

- осознание особой роли региона в формировании предпосылок и значения создания благоприятных условий для устойчивого и долгосрочного развития страны;
- осознание своей страны частью региона, т.е. той частью географического пространства, которая в силу разнообразных факторов и различных причин (особенностей своего исторического развития) объективным образом обособлена от других стран и территорий;
- формирование региональных институтов, деятельность которых ориентирована на выработку общих (для региональных акторов) правил межгосударственного взаимодействия, сотрудничества и широкой кооперации в различных сферах и направлениях международных (региональных) отношений.

На данном этапе регионализации сам регион выступает, с одной стороны, осознанной целью регионального общества, а с другой — его источником. В международном аспекте начало этого этапа связано с возникновением новых разноспециализированных организаций, принадлежащих как государственному, так и негосударственному сектору и ориентированных на построение многомерной системы сотрудничества и взаимодействий стран индо-тихоокеанского пространства. Данный этап характеризуется:

- осмыслением и осознанием регионального единства, взаимозависимости и взаимообусловленности развития;
- созданием организаций, специализирующихся на поиске общих подходов в вопросах региональной безопасности и устойчивого регионального развития;
- ростом общего числа международных организаций и коллабораций в различных сферах международного взаимодействия, от экономики и политики до экологии и культуры.

Так, анализ динамики создаваемых странами индо-тихоокеанского пространства международных организаций в период с конца 40-х гг. XX в. по 20-е гг. XXI в. подтверждает идею о том, что начало нового этапа регионализации (1990-е гг.) напрямую связано как с количественными, так и с качественными изменениями характера международных отношений в ИТР. В первом случае после окончания холодной войны и исчезновения (или снижения влияния) идеологических детерминант развития извне произошёл скачкообразный рост числа межгосударственных региональных объединений. Во втором случае специализация вновь создаваемых организаций становится более разнообразной. Если до 90-х гг. XX в. подавляющее большинство международных организаций стран индо-тихоокеанского пространства были ориентированы на решение разнообразных проблем в сфере экономики (торговля, инвестиции, финансы и т.д.), то после начинают превалировать международные организации в сфере региональной безопасности.

Так, в 1993 г. начинает работу Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум (The Asia-Pacific Parliamentary Forum), в числе основных задач которого, помимо традиционных целей в сфере торговли и инвестиций, были обозначены расширение сотрудничества между странами-участницами в интересах обеспечения мира и стабильности в АТР, противодействие транснациональной преступности и терроризму. В том же году появляется Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности (Council for Security Cooperation in the Asia Pacific) — международная неправительственная организация, учреждённая для обмена мнениями и оценками по вопросам региональной безопасности и выработки рекомендаций правительствам стран региона. В 1999 г. в формирующуюся структуру региональной безопасности встраивается Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии (Conference on Interaction and

Confidence-Building Measures in Asia), целью которого является укрепление регионального сотрудничества, направленного на обеспечение мира, безопасности и стабильности в Азии.

Вся совокупность региональных организаций, иницилирующих и структурирующих международные связи и взаимодействия, формирует новое качество регионального политического, экономического и культурного ландшафта ИТР, создаёт новые предпосылки для углубления интеграционных процессов.

Анализ географии участников действующих организаций, которые локализованы в Индо-Пацифике, позволяет говорить о структурной аморфности/неоформленности регионального пространства. Полученные результаты показали, что в состав региона можно включить огромное количество стран, имеющих выход к водам Индийского и Тихого океанов — от Восточной Африки до западных берегов двух Америк. Их общее число значительно превышает шесть десятков. Несмотря на то, что все они так или иначе подключены к различным региональным процессам, степень их участия и вовлечённости в силу различия статусных позиций ресурсной обеспеченности, интересов и возможностей неодинакова.

В этой связи представляется оправданным провести дифференциацию стран по рангам, где каждая статусная позиция определяет место регионального актора в процессах регионализации. При первом приближении можно выделить четыре отличающиеся друг от друга классификационные позиции: 1) страны-лидеры; 2) страны-ядра; 3) страны полупериферии; 4) страны периферии.

К странам-лидерам следует отнести тех региональных акторов, которые проявляют инициативу и предлагают собственное видение процессов регионализации. Для них характерно идеологическое сопровождение/оформление собственных моделей регионализации; они располагают значительным организационным и ресурсным потенциалом конструирования регионального пространства. Как правило, лидеры обладают превосходящим числом двусторонних связей, выступают локомотивами региональных инициатив и проектов, задают общие тенденции регионального развития. В Индо-Пацифике в эту группу входят США и КНР — региональные игроки, которые в наибольшей степени соответствуют классификационным требованиям [7, с. 160].

Страны-ядра представляют собой фундамент формирующегося региона, обладают особым потенциалом консолидации региональных акторов вокруг решения актуальных проблем регионального взаимодействия. Они способны определять отдельные тенденции развития региона, поддерживают сетевую структуру региона, разнообразие интеграционных проектов, выстраивают дополнительные связи между государствами. При совпадении интересов значительно усиливают позицию стран-лидеров

в продвижении их инициатив. Ядро ИТР представлено Индией, Пакистаном, Ираном, Японией, Австралией, государствами АСЕАН.

Страны полупериферии вовлечены в архитектуру региона на основе исторически сложившихся кооперационных связей. Их влияние на процесс регионализации незначительно, хотя и устойчиво. Свою активность проявляют аналогично дипломатии малых государств, которые стремятся поддерживать максимально благоприятный для их национальных интересов баланс сил в регионе, что выражается в разнонаправленном сотрудничестве или построении архитектуры отношений на принципах балансов, контрбалансов, хеджирования, сопоставимых ответов и т.д. Такое место занимают Республика Корея, Новая Зеландия, Канада и Россия.

Страны периферии, как правило, занимают пограничное, «окраинное» положение в регионе, что подразумевает не столько географическую коннотацию, сколько функциональную вовлечённость этих государств в региональные проблемы ИТР. Свойство «пограничности» предполагает высокую вероятность выхода страны из регионального пространства ИТР в результате активизации участия в организационных структурах других регионов. Чаще всего страны периферии вовлечены в некоторые региональные интеграционные объединения, однако имеют небольшое влияние по причине слабо развитых связей с ведущими игроками, которые всё же рассматривают присутствие периферийных государств необходимым условием для поддержания стабильности региона. К этой категории относятся ОАЭ, Катар, Бахрейн, Израиль, страны Средней Азии и Океании, члены Восточно-Африканского сообщества (ВАС).

Принадлежность к определённому типу демонстрирует особенности поведения актора международных отношений в региональных процессах. Так, игроки, принадлежащие к условной группе лидеров и/или ядру ИТР, как правило, генерируют центростремительные/регионообразующие процессы. В свою очередь страны, находящиеся на периферии регионального пространства, в стремлении преодолеть периферийность в отношении ИТР являются инициаторами центробежных процессов, направленных на решение задач, которые связаны с негативными явлениями политической и экономической периферийности положения. Так, например, ВАС стремится диверсифицировать структуру внешнеэкономических связей, которая сложилась ещё в колониальную эпоху, что повысит обеспеченность развития факторами/ресурсами. Несомненно, увеличение числа взаимодействий членов ВАС со странами индо-тихоокеанского бассейна демонстрирует рост значения западной периферии ИТР в жизни региона. Однако индо-тихоокеанское направление не является для ВАС исключительным приоритетом развития, в отличие от желания стать неотделимой частью нового набирающего силу регионального образования. Представляется, что ориентация на сотрудничество и вхождение в те

или иные структуры и региональные организации во многом определяется стремлением получить тактические конкурентные преимущества/выгоды здесь и сейчас. По этой причине интересы и деятельность ВАС для ИТР не могут рассматриваться в качестве регионообразующих. Вхождение этой группы стран в состав региона или их дистанцирование не является критическим для развития и функционирования Индо-Пацифики, так как не меняет фундаментальных оснований его формирования.

Классификация региональных акторов ИТР была бы неполной без выделения пятой группы стран — внерегиональные игроки. Это государства, которые в силу объективных (географических) обстоятельств не могут принадлежать Индо-Тихоокеанскому региону, однако занимают активную позицию в отношении перспектив его дальнейшего развития. Их заинтересованность не только отражается в стратегических документах, но и заметна в практических шагах реализации внешней политики. В эту группу включены ЕС, Германия и (с некоторой долей условности) Великобритания и Франция, т.е. страны, имеющие длительный опыт присутствия в регионе.

Схожую систематизацию, основанную на тех же принципах, можно провести и для всей совокупности международных организаций, функционирующих в индо-тихоокеанском пространстве. Здесь также можно выделить объединения стран, которые оказывают значительное влияние на регионообразующие процессы, создают принципы и правила регионализации.

Вместе с тем всё географическое пространство ИТР можно условно разделить на две неравные части, каждая из которых обладает своей логикой и перспективой развития.

1. Первая часть сформирована территориями, которые составляют континентальный массив Евразии, имеют прямой выход в бассейны Индийского и Тихого океанов.
2. Вторая часть представлена обширным океаническим пространством, которое в силу особенностей своего географического положения представляется значительно фрагментированным на обособленные сегменты: 2.1 полуостровные и островные государства Азиатского континента; 2.2 Океания, Новая Зеландия и Австралия; 2.3 тихоокеанские страны Северной Америки; 2.4 тихоокеанские страны Латинской Америки; 2.5 восточноафриканские страны бассейна Индийского океана.

Разделение региона на две части не только имеет географическое основание, но также отражает характер и многовариантность возможных моделей регионализации. В настоящее время некоторые из них уже инициированы и находятся в стадии становления, что не может не сказываться на перспективах развития региона. Так, объективный процесс регионообразования, формирующий ИТР, сегодня практически «расщепляется» двумя

конкурирующими геостратегическими концептами: «континентальным» китайским проектом «Пояса и пути» и «морским», во многом инициированным США, концептом Индо-Пацифики. США и КНР, являясь лидерами регионального пространства, обладают достаточным ресурсным обеспечением для формирования конкурирующих между собой «центров притяжения», вступающих в борьбу за привлечение региональных игроков, которые разделяют те или иные подходы к регионализации и готовы принять участие в конструировании новой архитектуры Азиатско-Тихоокеанского региона на стороне Пекина или Вашингтона.

Действия Китая направлены на создание разветвлённой системы контроля над региональными коммуникациями как в ключевых точках, расположенных во внутреннем пространстве Евразийского континента (модель «суша — суша»), так и в акваториях тихоокеанских морей и Индийского океана (модель «суша — море»). Это позволяет Китаю решить как минимум две стратегические задачи. Во-первых, он может создать инфраструктуру, которая обеспечивала бы возможность устойчивого выхода за пределы континентальной Азии для реализации долгосрочных целей по глобализации участия Пекина в мировой (гео)политике и экономике. Во-вторых, будет реализована попытка «капсулизации» Дели в границах Южной Азии / полуострова Индостан посредством окружения Индии недружественными политическими режимами, зонами напряжённости и объектами военно-технической инфраструктуры КНР [8, с. 306—307].

Вместе с тем, по нашему мнению, США и их союзники в лице морских либеральных режимов стремительно захватывают инициативу по оформлению Индо-Пацифики в рамках своего видения ИТР. Их конечной целью является вытеснение Пекина с доминирующих позиций в торгово-экономической и финансовой сфере региона. США, Япония, Австралия, Индия составляют ядро основных участников строительства «либеральной» Индо-Пацифики [12]. Великобритания и Франция — внерегиональные игроки, которые проявляют исключительную заинтересованность в «заморской» повестке и выступают, по большей части, на стороне антикитайского альянса. Таким образом, формирующиеся в настоящее время трансокеанические структуры создаются с встроеной опцией повышенной «защищённости» от влияния КНР.

Так, создание новых (QUAD-2) и модернизация «старых» существующих альянсов (QUAD) позволили скорректировать подходы союзников к ИТР, привести основные цели стран-участниц к единому знаменателю, в основании которого, по общему согласию, находится рост угроз региональной безопасности в связи с усилением в регионе Китая [5]. ИТР создаётся как инструмент ограничения распространения влияния Пекина на страны Пацифики и Индийского океана и постепенной переориентации этих государств с КНР на участников «содружества ИТР».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования ИТР находится под давлением растущего противостояния/противоборства двух конкурентных проектов: англосаксонского (морского) и китайского (континентального). В настоящее время основная борьба разворачивается за политико-географическую полупериферию и периферию. Если ядра проектов в основном уже сформированы, то принадлежность/лояльность стран периферии тому или другому проекту всё ещё не определена. Именно количество и качество сторонников проектов, уровень их военно-политического потенциала, экономико-технологического развития, геополитическое положение в индо-тихоокеанском пространстве во многом будут определять эффективность и успешность той или иной версии регионализации в будущем. В первую очередь речь идёт о странах АСЕАН, которые являются «главным призом» как для китайского интеграционного проекта, так и для англосаксонского, ведь тот, кто контролирует Юго-Восточную Азию (АСЕАН), управляет и Индо-Пацификой [2].

Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что существующие противоречия имеют фундаментальные причины, а это создаёт долговременную основу противостояния в регионе и высокую вероятность возникновения труднопреодолимого геополитического разлома. Данный разлом и определит специфику формирования в ИТР новой архитектуры безопасности, которая основана на биполярности геополитической структуры, фиксирующей противостоящие центры силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
2. Конфронтация между США и Китаем: есть ли будущее у АСЕАН? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-budushchee-u-asean/> (дата обращения: 30.03.2022).
3. Куприянов А.В. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 5. С. 49—58.
4. Логан Дж.Р. Этнология Индийского архипелага: всесторонние исследования континентальных отношений жителей Индо-Тихоокеанских островов // *Журнал Индийского архипелага и Восточной Азии (JIAEA)*. 1850. № 4. С. 252—347.
5. Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // *Россия в глобальной политике*. 2018. № 10. URL: https://globalaffairs.ru/articles/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha/#_ftn19 (дата обращения: 01.03.2022).
6. Щипков В.А. Некоторые аспекты концепции Б. Хеттне «Новый регионализм» // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 4. С. 88—90.
7. Basu T. Sino-US Disorder: Power and Policy in Post-COVID Indo-Pacific // *Journal of Asian Economic Integration*. 2020. No. 2 (2). P. 159—179.

8. Choudhury A., Moorthy P. Strategic-Maritime Triangle in the Indian Ocean: An Emerging Indo-US Naval Entente? // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2018. Vol. 74 (3). P. 305—325.
9. Hettne B. Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 457—473.
10. The «Indo-Pacific» Concept: Retrospect and Prospect // National Maritime Foundation. 2017. No. 5 (1). URL: <https://cimsec.org/indo-pacific-concept-retrospect-prospect/> (дата обращения: 31.03.2022).
11. Haushofer K. Bericht über den Indopazifischen Raum // *Zeitschrift für Geopolitik*. 1924. Band 1. Nr. 1. S. 50—55.
12. Haushofer K. *Deutsche Kulturpolitik im indopazifischen Raum*. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1939. 287 s.

REFERENCES

1. Kolosovskiy N.N. *Teoriya ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Economic Zoning Theory]. Moscow, Mysl' Publ., 1969, 336 p. (In Russ.)
2. *Konfrontatsiya mezhdu SShA i Kitaem: est' li budushchee u ASEAN?* [US-China Confrontation: Does ASEAN Have A Future?]. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/est-li-budushchee-u-asean/> (accessed 30.03.2022). (In Russ.)
3. Kupriyanov A.V. Indo-Tikhookeanskiy region: indiyanskiy vzglyad [Indo-Pacific: An Indian Perspective]. *Mirovaya ekonomika i ekonomicheskiye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 5, pp. 49—58. (In Russ.)
4. Logan Dzh.R. Etnologiya Indiyanskogo arhipelaga: vsestoronniye issledovaniya kontinental'nykh otnosheniy zhitel'ev Indo-Tikhookeanskikh ostrovov [Ethnology of the Indian Archipelago: A Comprehensive Study of the Continental Relations of the Indo-Pacific Islanders]. *Zhurnal Indiyanskogo arhipelaga i Vostochnoy Azii (JIAEA)*, 1850, no. 4, pp. 252—347. (In Russ.)
5. Menning R. Indo-Tikhookeanskaya strategiya SSHA [US Indo-Pacific Strategy]. *Rossiya v global'noy politike*, 2018, no. 10. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/indo-tikhookeanskaya-strategiya-ssh/#_ftn19 (accessed 01.03.2022). (In Russ.)
6. Shchipkov V.A. Nekotoryye aspekty nablyudeniya B. Hettne "Novyy regionalizm" [Some Aspects of B. Hettne's Concept "New Regionalism"]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2015, vol. 7, no. 4, pp. 88—90. (In Russ.)
7. Basu T. Sino-US Disorder: Power and Policy in Post-COVID Indo-Pacific. *Journal of Asian Economic Integration*, 2020, no. 2 (2), pp. 159—179. (In Eng.)
8. Choudhury A., Moorthy P. Strategic-Maritime Triangle in the Indian Ocean: An Emerging Indo-US Naval Entente? *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2018, vol. 74 (3), pp. 305—325. (In Eng.)
9. Hettne B. Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, 2000, vol. 5, no. 3, pp. 457—473. (In Eng.)
10. The "Indo-Pacific" Concept: Retrospect and Prospect. *National Maritime Foundation*, 2017, no. 5 (1). Available at: <https://cimsec.org/indo-pacific-concept-retrospect-prospect/> (accessed 31.03.2022). (In Eng.)
11. Haushofer K. Bericht über den Indopazifischen Raum [Report on the Indo-Pacific Region]. *Zeitschrift für Geopolitik*, 1924, band 1, no. 1, pp. 50—55. (In Germ.)
12. Haushofer K. *Deutsche Kulturpolitik im indopazifischen Raum* [German Cultural Policy in the Indo-Pacific Region]. Hamburg, Hoffmann und Campe Publ., 1939, 287 p. (In Germ.)

Дата поступления в редакцию 20.06.2022